

Антони Ино Комбрексель

ПОЧТИ ПОЛНОЧЬ

КомпасГид
Издательский дом

Антони Ино Комбрексель

Почти полночь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43446492

Почти полночь: КомпасГид; Москва; 2019
ISBN 978-5-907178-18-2

Аннотация

Париж, 1889 год, незабываемый май. Город полон туристов, сами парижане тоже высыпали на улицы – Всемирная выставка оживила столицу! К радости Обрубка и его команды: шестеро сирот, беглецов из приюта, промышляют мелкими кражами. Однажды Хромой ворует часы. Они оказываются необычными: стоит подвинуть стрелку немного назад – и ты возвращаешься в прошлое! Но очень скоро эти часы понадобятся ему отнюдь не для забавы и розыгрышей. Удивительная находка запускает страшный механизм: исчезают люди, гремят взрывы, гибнут невинные – сколько ни поворачивай время вспять, трагедий не избежать! Обрубку, Хромому, Спичке, Заике, Сопле и Плаксе предстоит раскрыть тайну, грозящую тысячам гостей Всемирной выставки... нет, даже не смертью, а намного хуже! Роман французского писателя Антони Ино Комбрекселя (родился в 1980 году) – это гремучая (о, как неслучайно это слово!) смесь классических приключений, эстетики стимпанка и динамики ролевых игр. Всё-таки автор придумал сценарии ко многим

популярным во Франции «настолкам». «Почти полночь», его дебютная книга, выиграла премию Grand Prix 404 Factory – главного гиковского портала страны.

Содержание

Пролог. Ровно полночь	6
1. Спектакль начинается!	12
2. Ожидание	16
3. Спектакль продолжается!	23
4. Бегство	28
5. Дорога назад	34
6. Опрос свидетелей	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антони Ино Комбрексель

Почти полночь

Anthony Yno Combrexelle

Presque minuit

© Published in the French language originally under the title: Presque minuit © 2018, 404 éditions, an imprint of Èdi8, Paris, France

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2019

* * *

Пролог. Ровно полночь

Париж, 1889

Из окна Сивилла видела луну. Они были чем-то похожи – обе одинокие, затерянные в бесконечной ночи, скрытые ото всех. Башня уходила на добрую сотню этажей вниз, ее подножие терялось из виду в плотном одеяле облаков. Старая колдунья грустила, предаваясь воспоминаниям о далеком прошлом. Она столько видела, столько слышала... Сивилла смотрела на свое отражение в оконном стекле, терявшееся в пляшущих отблесках свечей. Старуха была бледной и тощей. Некогда черные волосы превратились в жидкие седые космы. Вокруг усталых глаз темнели круги. Кожа на лице сморщилась и обвисла. Руки покрылись пигментными пятнами. Груз прожитых лет и полученных знаний с каждым днем становилось всё тяжелей нести.

Башня, где она давным-давно поселилась, была такой высокой, что колдунья оказалась практически отрезана от мира. Чтобы обеспечить себе хоть какое-то спокойствие и избежать преследований и охот, жертвами которых стали ее сестры, колдунья добровольно изолировала себя от *угрюмых* – людей, не знавших магии.

Они не могли ее видеть. И она, в свою очередь, решила, что не желает видеть их. Единственной компанией ста-

рой Сивиллы были стражи, готовые на всё, чтобы защитить свою госпожу и сохранить ее знания. Башня ведьм Гека-ты¹ – слишком высокая, чересчур холодная и крайне ветхая – опасно кренилась, подобно сторбленной Сивилле. Казалось, прислушавшись, можно различить скрип ее деревянных балок, тяжелые вздохи разошедшихся окон, хрипы истершихся камней. Было ясно, что ни башня, ни ее дряхлая обитательница долго не протянут.

– КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Старуха подскочила от неожиданности. Она обернулась, пытаясь понять, откуда исходит этот отрывистый звук. Прислушалась, внимательно оглядела комнату – не шевельнется ли что-нибудь. Логово колдуньи было набито бесчисленными безделушками и талисманами, имевшими магическую ценность или просто напоминавшими об ушедших временах. На полках пылились священные черепа горгулий, серебряные пальцы вампиров, золотые языки фениксов и причудливые скелеты каких-то волшебных тварей, давно исчезнувших и неведомых людям. Колдовские принадлежности – магические драгоценности, черные свечи, обманные зеркала, благовония Эрзули² – наполняли комнату зыбким мерцанием. Сивилла медленно обходила свое укрытие, пристально вглядываясь в каждую вещь. Рунические надписи покры-

¹ В древнегреческой мифологии богиня луны и магии, покровительница ведьм и колдунов. *(Здесь и далее – примеч. пер.)*

² В культе вуду богиня любви и красоты.

вали полог ее большой кровати и толстый ковер, лежавший на ледяном каменном полу. Сестра Жесперия, лучше всех владевшая искусством резьбы по дереву, украсила все шкафы и комоды Сивиллы разнообразными ритуальными знаками. На стенах висели эзотерические побрякушки, призванные обеспечить магическую защиту жилища.

– КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Звук шел откуда-то слева. Теперь она отчетливо слышала его и была уверена, что ей не померещилось. Колдунья медленно двинулась в ту сторону, внимательная, готовая в любую секунду...

– КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Ага! Звук доносился, видимо, из нижнего ящика комода. Она немного помедлила. Как же глупо это, должно быть, выглядит! Старая ведьма крадется на цыпочках, охотясь за нелепым шорохом. Но кто там скребется? Мышь? В башне? На такой высоте? Вряд ли. Сивилла не боялась грызунов. Она всю жизнь использовала их в качестве ингредиентов для зелий. Почему же ее так перепугал этот дурацкий звук? Собравшись с духом, колдунья взялась за ручки, затаила дыхание и резко выдвинула ящик.

– КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Прямо перед ней жестикулировал, хватая воздух, странный предмет – часть, оторванная от целого. Ожившая железная перчатка, точнее обрубок металлической руки, бегала по дну ящика, вслепую нашаривая, за что ухватиться.

Колдунья слишком хорошо понимала смысл этого странного спектакля. У нее закружилась голова.

Сивилла очнулась в своей кровати. Вокруг горело множество свечей, массивный подсвечник стоял на ночном столике. Рядом сидел Гектор – командир стражей: его лицо, изборожденное глубокими морщинами, было напряжено. За пятьдесят лет службы он никогда не видел госпожу такой бледной и взбудораженной. Что-то стряслось. Что-то плохое.

– Мадам?

– Что произошло?

– Ничего страшного. Вы потеряли сознание и упали. Вам надо отдохнуть. Если что-то понадобится, мы все тут, за дверью.

– ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Смущенная, она с трудом приподнялась, чтобы лучше устроиться на старом продавленном матрасе.

– ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Звук, разносившийся по комнате, на сей раз производила не железная рукавица. Та лежала на комодe (Гектор поднял ее с пола) и продолжала клацать пальцами, тщетно хватая воздух. Новый звук был другим – равномерным, механическим. Он не зависел от их голосов и дыхания. Гектор

нахмурил густые брови, пытаясь вычислить, откуда исходит странное тиканье. Заглянув в глаза преданному слуге, Сивилла поняла, что тикает она сама. Ее сердце отсчитывало время на манер метронома.

– ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Теперь в этом не было никаких сомнений.

Ее вдруг охватило глубокое вдохновение, что, впрочем, не отменяло тиканье таймера.

– Помогите мне дойти до кресла, пожалуйста.

К ней постепенно возвращалось сознание, голос уже обрел привычную властность. Гектор повел колдунью через комнату, неловко поддерживая на случай, если она опять потеряет равновесие. Он был смущен: раньше ему никогда не приходилось этого делать. Сивилла предпочитала обходиться без посторонней помощи. Старый страж чувствовал, что случившееся застало госпожу врасплох. Ведьма казалась такой немощной и потрясенной...

Старинное кресло было широким и мягким. Обычно Сивилла сидела в нем во время утренних собраний, беседуя со стражами. Опустившись в него, она на несколько секунд погрузилась в задумчивость.

– ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Наконец колдунья торжественно произнесла:

– Сообщите мне точное время, прошу вас.

Он обернулся к небольшим инкрустированным часикам, стоявшим на полке резного деревянного шкафа в глубине

комнаты. Отсветы почти догоревших свечей трепетали на изящных серебряных стрелках.

– Полночь. Ровно полночь, мадам.

– Хорошо.

Она прокашлялась, нахмурила брови и произнесла голо-
сом чистым и невозмутимым:

– Час пробил, Гектор. Я должна поручить тебе невероятно важную миссию. Тебе и самым надежным из твоих людей. Речь идет о будущем человечества.

1. Спектакль начинается!

– Нет!! Пустите!!!

Она кричала, распростертая на мокрой мостовой, и, зашмурившись, отбивалась от нападавшего. Ее ночная рубашка, некогда белая, была вся в грязи. Она отворачивалась, чтобы избежать прямого удара в лицо.

Начиналась ночь, холодало.

На подступах к Дому инвалидов³ зажигались газовые фонари. Прохожие, еще более редкие, чем на аллеях соседнего Марсова поля, не обращали внимания на истошные вопли девочки. Все делали вид, будто этой замарашки с растрепавшимися светлыми кудрями и угрожавшего ей калеки в грязном тряпье просто не существует. Да и какая выгода спасти сопливую девчонку, у которой за душой явно ни гроша? Прохожие ускоряли шаг, не испытывая ни малейшего желания встречать в уличную потасовку и драться с оборванцем. Это был настоящий обитатель дна – в каких-то дикарских лохмотьях, со всклокоченной бородой, слезящимися глазами и в драной соломенной шляпе. Вместо левой руки у него из рукава торчал острый крюк, вроде тех, на которых мясники подвешивают туши. Этот карикатурный персонаж уже за-

³ Дом инвалидов, построенный для раненых военных в XVII веке, – одна из самых известных достопримечательностей Парижа, находится недалеко от Эйфелевой башни.

нес свое орудие над перепуганной девчушкой, когда его прервали.

– Эй, посторонись!

Оба участника уличной драмы подскочили и обернулись. Голос принадлежал молодому человеку, который правил небольшим фургоном. Сдерживаемые им породистые лошади свирепо раздували ноздри и храпели, норовя возобновить прерванный бег. Сам фиакр выглядел крайне мрачно: черный, с опущенными черными шторами.

– С дороги, отбросы! Дайте проехать!

Кучера, по всей видимости, не обманул спектакль, разыгрываемый посреди пустой улицы. Но девочка и калека, словно оглохнув, не двигались с места. Хотя фиакру, чтобы проехать, действительно пришлось бы их раздавить. Наблюдательная Плакса заметила, что возница не спешит хлестнуть коней и помчаться вперед. Поэтому она не испугалась его криков и запричитала еще громче и пронзительнее. Теперь уже никто не сможет ее игнорировать.

Тем временем пьяница, чья борода начала уже отклеиваться, тоже оставался глух к угрозам кучера. Откровенно переигрывая, он продолжал свой монолог:

– Деточка, – рычал Обрубок, – я тебя зарежу на ужин. И поджарю, как курочку, с приправами!

– Нет!!! На помощь!! – визжала девчонка.

– Что? Никто не бежит тебя спасти? Скоро ты превратишься в жаркое!

– Вы так и собираетесь тут торчать? Ублюдки! – в ярости проорал кучер.

В его голосе звучал не только гнев. Но и страх. Странный пассажир не терпел промедления. Однако возница понимал, что не сможет проехать, не задавив двух проходимцев, по-прежнему топтавшихся на проезжей части. Он спрыгнул с облучка, на котором сидел, схватил кнут и поправил шляпу, словно пытаясь придать себе значительности.

Как только ноги кучера коснулись мостовой, Хромой выскользнул из своего укрытия за деревянными ящиками около винного погреба. Слегка пригнувшись, мальчишка с каштановыми волосами и в неизменной кепке подкрался к заднему колесу, а потом скользя под повозку, готовый действовать.

Возница уже собирался схватить Плаксу и Обрубка, когда дверца фиакра распахнулась. Мальчишка, прятаясь внизу, усмехнулся: пешки расставлены, время рассчитано идеально. Длинная нога высунулась из фургона, за ней вторая. Повозка накренилась. Пассажир, судя по всему, был важной персоной. Ботинки из дорогой кожи, серый костюм с иголочки – всё это не укрылось от глаз юного воришки. Чутье на крупную добычу не подвело и в этот раз.

– Кучер, что происходит?

Голос звучал глухо. Человек или стар, или простужен. И то и другое им на руку – значит, он менее внимателен и не так быстро реагирует. Кажется, дело верное.

Хромой продолжал рассматривать пассажира. То малое, что ему удавалось разглядеть из-под повозки, слегка озадачивало. Дорогой костюм был явно с чужого плеча: брюки слишком коротки. А ботинки, напротив, сильно велики – с заметным расстоянием между пятками и бортиком.

Кучер тем временем схватил Обрубка за шиворот и срывал с него маскарад. Когда он обнаружит, что крюк настоящий, это отвлечет их внимание на несколько драгоценных секунд. Плакса поднималась на ноги, готовясь удрать в любую секунду.

– Это воришки! Дети улиц, карманники. Пытались нас одурачить. Не беспокойтесь, господин, мы тронемся сию же минуту, – ответил возница с подчеркнутой почтительностью.

«Крупная шишка, – предположил Хромой. – И богат. Несмотря на странный наряд».

Но время поджимало, и он взялся за дело не откладывая. Выбрался из-под повозки и подкрался как можно ближе к незнакомцу, готовясь его обчистить. Это был, бесспорно, их лучший клиент за сегодняшний день.

Хромой мечтал, что, когда он вернется, его карманы будут набиты золотыми побрякушками. Он хотел показать всё, на что способен, блеснуть перед Спичкой. Мальчик не решался сказать ей о своих чувствах, просто терял дар речи, когда видел девушку. И надеялся, что его добыча заменит слова.

Тут он заметил ее краем глаза. Спичка неслась по улице в их сторону, будто за ней гналась разъяренная фурия.

2. Ожидание

– У меня ноги отваливаются! Когда они уже закончат? И почему именно мы всегда должны караулить?

– Может, потому, что только я могу выносить твой ужасный характер? – предположил он.

– А в глаз? – тут же вспыхнула она.

Они сидели на грязной обледенелой мостовой, прижавшись к стенам. Он – на одной стороне улицы, она – на другой, в нескольких десятках метров от того места, где Обрубок и остальные разыгрывали свой спектакль. Сопля примостился прямо под фонарем, тогда как Спичка почти растворилась в тени. У обоих затекли ноги.

Им казалось, они ждут уже слишком долго. Однако необходимо было следить, чтобы никто не помешал *жамве*.

– А я считаю, что шеф прав, – произнес мальчик. – Он хорошо придумал: плачущая малютка и над ней – громила с крюком. Ты на эту роль, разумеется, не подходишь. Слишком большая. Люди не бросятся тебя защищать, подумают, что сама справишься. К тому же извини, но ты совсем не похожа на *«невинную беззащитную девушку»*.

Спичка вскочила и яростно плюнула на мостовую.

– На что это ты намекаешь?! По-твоему, я не женственная?! Да?

– Нет-нет, – ответил мальчик с олимпийским спокойстви-

ем. – Просто, распростертая на мостовой и зовущая на помощь, даже в компании с Обрубком, переодетым в гадкого нищего, ты выглядела бы как слон в посудной лавке – совершенно неправдоподобно. Даже нашей белокурой куколке едва удастся разжалобить зевак. Что уж говорить о такой дылде, как ты.

– А ты так омерзительно хлюпаешь носом, что всех сразу начинает тошнить! Поэтому тебя тоже не берут на дело!

Во время их перепалки она не забывала оглядывать улицу, проверяя, не идет ли кто подозрительный. Сопля пожал плечами и оглушительно шмыгнул, совершенно равнодушный к ее нападкам.

– Пытаешься меня разозлить? Со мной это не работает, детка.

Она посмотрела на него так мрачно, что он почти пожалел о своих словах. Девушка была старше и гораздо сильнее его. К тому же Сопля, в свои тринадцать, не любил драться. Его оружием были сарказм и ирония. Он выглядел как ребенок из хорошей семьи: очки, правильная речь. Впечатление нарушалось только гнусной привычкой непрерывно шмыгать носом. Сопля часто играл роль воспитанного мальчика – и в целях мошенничества, и просто так, от скуки.

– Что ты хочешь от меня услышать? Это грустная правда. Хромой – хромает, и сердца прохожих тают. Они видят, что могло бы произойти и с ними, будь они менее везучи. К тому же у него невероятно ловкие руки. Он может обчистить кого

угодно – гораздо лучше, чем любой из нас. Плакса, со своими слезами и кудряшками, давит на жалость. Обрубок хорошо играет злодея. Ну, по крайней мере, он уверен, что хорошо, а это уже неплохо. Заика прибегает к помощи мускулов, что тоже иногда бывает полезно. Твой конек – это скорость. Ты бегаешь быстрее всех нас. А я... Ну, это я. Я не особенно ловок, не человек действия, а участвовать в спектаклях мне скучно. Скажем так, воровство – это не мое.

– Да ну?! А что же тогда – *твое?* – раздраженно поинтересовалась она.

– Хороший вопрос, дорогая Спичка. Предположим, я могу гордиться своей наблюдательностью и некоторой культурой. Ну, и некоторой ленью тоже, да. Я ужасно ценю возможность ничего не делать. И подхожу к этой задаче со всей ответственностью. Так что распределение ролей в нашем спектакле, в конце концов, не так уж и плохо. Каждый на своем месте.

– Чушь. Стоять на карауле – унижительно! И тебя унижают вовсе не потому, что ты весь из себя такой культурный!

Девушка прижалась к стене и, надувшись, начала играть со спичками. Она не могла ничего возразить Сопле, и это ее злило. Но хуже всего было думать, что ты годишься только на то, чтобы сторожить, пока другие работают!

Мальчик открыл большую сумку, где хранились трофеи банды. При малейшем движении этот мешок звенел, словно набитый металлоломом. В нем бряцали часы и цепоч-

ки, браслеты и золотые запонки. Сопля достал потрепанную брошюрку, сдвинул очки на кончик носа и только собрался погрузиться в чтение, как Спичка опять отвлекла его.

– Что читаешь?

Мальчик глубоко вздохнул, словно выпуская из себя излишний сарказм. Невозможно спокойно посидеть с книгой, когда рядом такая болтушка. Он показал ей обложку. Спичка прищурилась и сердито дернула головой.

– Мне отсюда не видно.

Как большинство беспризорников, Спичка не утруждала себя чтением и по-настоящему страдала, если кто-то пытался ее к этому принудить.

– *«Путеводитель по Всемирной выставке⁴»,* – объявил Сопля. – Тут подробно рассказывается обо всех павильонах, странах, событиях. Ужасно интересно. А еще полно рекламы всяких ресторанов, где подают мороженое и шампанское. Просто слюнки текут!

– А с ними и сопля, – хмыкнула Спичка.

– Написано, что по Выставке ходит маленький поезд, – продолжал он, не обращая внимания на ее насмешки. – Это называется *«Железная дорога Декавиля⁵»*. Рельсы проложены по набережным и аллеям. Скорость поезда небольшая –

⁴ Грандиозная выставка последних достижений техники. Проходила в Париже раз в десятилетие, начиная с середины XIX века и до 1937 года. Самым заметным экспонатом выставки 1889 года (время действия романа) стала Эйфелева башня.

⁵ Поль Декавиль (1846–1922) – французский инженер, разработавший систему легких железных дорог.

десять километров в час. Он ездит с девяти утра и до полуночи. Общая протяженность маршрута – три километра. Начинается от Министерства иностранных дел, заканчивается у Галереи машин. Всего пять остановок.

У Сопли не было проблем с чтением. И он, случилось, любил этим прихвастнуть. Слишком часто, по мнению некоторых.

– Я и без книжки всё это знаю, – фыркнула Спичка. – Достаточно пройтись по набережным, чтобы увидеть этот твой «маленький поезд».

Он смерил ее презрительным взглядом и, ничего не отвечая, уткнулся в книжку. Пару секунд Спичка сидела тихо.

– И потом, меня достало ходить голодной! Разве это дело – есть один раз в день! А сама жратва?! Вареву из колбасных шкурок, кочерыжек и тухлых яиц! Тьфу!

– Ты забыла хлебные корки.

– Ты меня понял.

– И не только тебя.

– Чего?

– До меня дошло, почему я здесь. Я наказан! Вчера не хотел убирать со стола, а сегодня – угодил на самые тяжелые работы. Да еще с такой напарницей! Я считаю наказание несправедливым и совершенно несоразмерным преступлению!

– Эй! Чем тебе не нравится напа...

Спичка осеклась на полуслове. Сопля проследил за ее на-

прижженным взглядом и мгновенно всё понял.

Он немного похудел, носил теперь простые усы и идеальный прибор. Дети никак не ожидали встретить его здесь, тем более в такой одежде, но, разглядев получше, уже не сомневались – это действительно он. Человек приближался, высоко подняв голову. На нем была форма инспектора, а по бокам шли двое полицейских. В эти дни жандармы усиленно патрулировали прилегающие к Выставке улицы в поисках возможных нарушителей спокойствия.

Спичка вскочила. В критических ситуациях она умела сохранять хладнокровие и действовать быстро.

– Ты их отвлечешь, а я предупрежу наших, – бросила она Сопле.

– Да-да...

Мальчик тоже встал и прижался к стене. Спичка резко сорвалась с места и понеслась прочь со скоростью, на какую были способны немногие мальчишки ее возраста. Тем более что улица шла вниз. Сопля сделал глубокий вдох и прочистил горло. У него ломался голос, и мальчик умел, приложив ладони рупором ко рту и контролируя движение диафрагмы, говорить как взрослый. Это уже не раз позволяло им выкручиваться из сложных переделок.

– Держите вора! – прогудел он. – Одноглазый, с кавалерийской саблей! Вон туда побежал – на улицу Гренель! Украл все мои деньги! Скорей, поймайте его!!

Он крикнул еще пару раз, но потом голос пресекся, и

мальчик замолчал. Он нырнул в подворотню, чтобы кто-нибудь из прохожих не раскрыл обман. Когда Сопля отдышался, Спичка была уже далеко.

3. Спектакль продолжается!

– Лишай здесь!

Спичка начала кричать уже издалека. Она была в панике. Обрубок, препиравшийся с кучером, остолбенел, услышав эту новость. Придя в себя, он бросил взгляд на Плаксу и Хромого, который как раз запустил руку в карман важного господина.

– Смываемся! – проорал Обрубок.

Швырнув на тротуар шляпу и фальшивую бороду, он сунул вознице в нос свой железный крюк. Культя оказалась настоящей. От неожиданности кучер выпустил воротник, за который всё еще держал парня.

– Быстро! Сматываем удочки! Или он нас поймает! Кто-нибудь хочет обратно к Лишаю? Тогда пошевеливайтесь!

Главарь был серьезно напуган. Спичка подбежала к ним, задыхаясь. На секунду девушка остановилась, оперлась руками о колени и сделала глубокий вдох. Потом рванула дальше как ни в чем не бывало. Обрубок, схватив Плаксу, бросился следом. А Хромой...

– Но что!..

Аристократ, которого он обчищал, обернулся. Приказ Обрубка застал юного воришку в самый разгар промысла, и он не успел отдернуть руку. Мальчик как раз пытался отцепить цепочку часов, прикрепленную к карману, когда клиент пой-

мал его. Хватка была сильной и болезненной, пальцы – ледяными. Хромой дернулся изо всех сил, не выпуская, однако, своей добычи. Мужчина стоял неподвижно, мальчик бился и извивался. Он с вызовом пялился на пассажира, в тщетной надежде, что тот смутится и ослабит хватку. И вдруг беспризорник застыл. Глаза у его противника были какие-то... ненормальные! Хуже того: вообще нечеловеческие. В глазницах, похожих на горные расщелины, жутко мерцали два безжизненных черных шара. У этого человекоподобного существа не было даже бровей. Грубая толстая кожа слегка светилась.

Хромой остолбенел.

И тут на сцене появился Заика. Всё это время он терпеливо ждал, спрятавшись за грудой ящиков, чтобы прийти на выручку, если клиент окажется чересчур «проблемным». Заика обладал характером настоящего головореза и был человеком действия, о чем свидетельствовали стертые до дыр подошвы его деревянных башмаков.

Он в два прыжка очутился возле Хромого, а потом неожиданно нырнул на мостовую и, вцепившись в лодыжки странного господина, завопил:

– Гильотина!!!

Это был боевой клич Заики и единственное слово, которое он выговаривал без запинки. От удивления пассажир фургона на секунду разжал пальцы. Этого оказалось достаточно, чтобы мальчишка в надвинутой на глаза кепке успел

высвободить руку, причем вместе с карманными часами клиента.

– Воры! Воры! Сюда! – закричал кучер, завидев отряд полицейских.

Он показывал на мчавшихся прочь Заику и Хромого. Чуть поодаль галопировал Обрубок, волоча здоровой рукой Плаксу. Спичка неслась впереди всех, следя лишь за тем, чтобы не споткнуться о неровности булыжной мостовой. За спиной у них раздавался дружный топот жандармов, которые уже почти наступали им на пятки.

Заика передвигался довольно быстрым аллюром, но Хромой из-за больной ноги всё сильнее отставал от товарища. Он знал, что не сможет держать такой темп. Знал, что не справится. Спичка вернулась и побежала с ним рядом. Между двумя судорожными глотками воздуха он сказал ей:

– Убегай! Ты же самая быстрая! Не жди меня!

Произнося это, мальчик всё время придерживал кепку, чтобы она не свалилась.

– Я их отвлеку, – крикнула Спичка, – на следующем перекрестке спрячься где-нибудь, а потом беги в обратную сторону. Встретимся дома.

Она говорила на бегу. Как ей это удавалось? Мальчик любовался. И задыхался. Не в силах вымолвить ни слова, он просто кивнул.

С грехом пополам, напрягая последние силы, он захромал

в сторону одного из переулков, ведущих к набережной.

На перекрестке они разделились. Девушка побежала направо, громко выкрикивая:

– Эй! Я здесь! Ни за что не поймаете, банда болванов!

Хромой свернул в другую сторону и скрылся за первой попавшейся дверью. Это оказался небольшой бар. В округе было полным-полно всяких забегаловок. Мальчик без сил опустился за ближайший столик, стараясь сделать как можно менее заметным. Ему казалось, он сейчас взорвется. Пот струился по спине, ноги дрожали. Хромой сжал их ладонями, проклиная свое убожество, не позволявшее ему следовать за Спичкой и остальными. Он – никто. Напротив на стене висела цветная афиша, посвященная столетию 1789 года⁶, который, как сообщала реклама, разрешил все мировые проблемы. «Триумф Республики». И всё прочее.

Мальчик осторожно осмотрелся, чтобы оценить обстановку. Он собирался сидеть в кафе по крайней мере пока не восстановит дыхание. И тут его взгляд зацепился за что-то блестящее. Какой-то предмет на полу. Хромой, нагнувшись, увидел драгоценную брошь в форме кометы. Некоторое время он смотрел на нее, потом тихонько сунул в карман.

Тем временем стражи порядка во весь дух промчались мимо бара. Не останавливаясь. Мальчик задержал дыхание.

⁶ В 1789 году произошла Великая французская революция, в результате которой была свергнута монархия и установлена республика. Всемирная выставка 1889 года была посвящена столетию этих событий.

Потом медленно выдохнул. Его рука нащупала в кармане не только брошь, но и часы, украденные пару минут назад у страшного пассажира фиакра. От одного лишь воспоминания об этом монстре Хромой сжался.

4. Бегство

– Быстрее! Быстрее! Спускайтесь! Давай сюда!

Пьер помог Хромому перекинуть негнущуюся ногу через подоконник.

Стояла ночь. Они с трудом различали слабый свет газовых фонарей на другой стороне двора. Им надо было выбраться наружу. Как можно скорей.

Шепотом Пьер пытался успокоить мальчика, боявшегося высоты.

– Держись крепче. Всё будет хорошо. Одна рука. Потом вторая. Просто скользи вниз.

Хромой смотрел на него круглыми от ужаса глазами и не двигался с места.

– Заика уже там. Он тебя поймает. Тут меньше этажа. Ты почти спустился.

Пьер был самым старшим. Так что это входило в его обязанности: убеждать и успокаивать. К тому же он нуждался в них, чтобы совершить побег. Хромой стал спускаться, судорожно цепляясь за веревку, сделанную из связанной между собой одежды. Грубые узлы мешали ему. Но он не решался даже на секунду разжать пальцы, чтобы схватиться за следующий отрезок самодельного каната. Боялся, что сорвется.

Весь день они проходили, натянув на себя несколько слоев одежды, чтобы ночью снять их и сделать веревку для спуска.

Побег, свобода, мир за стенами интерната. Всё это было так близко, что сердца их замирали от радости.

Заика поймал Хромого. Следом лез Сопля, не преминувший пробормотать:

– Очень надеюсь, что мы не пожалеем о том, что делаем.

Но это были лишь слова. Жизнь в интернате давно сделалась для них невыносимой. Они задыхались и жаждали приключений. И больше не желали сидеть взаперти, как пленники, и день за днем зубрить никому не нужные уроки. Они хотели сами решать, как им жить.

Когда Сопля спустился, в окне появилась Спичка, подталакивающая хнычущую Мари.

– Говорю тебе, без нее я никуда не пойду! – заявила она Пьеру.

Тот нахмурился и сжал челюсти. Времени на споры не было. Одним человеком больше, одним меньше – какая разница. Скоро уже их хватятся, поднимут тревогу, и директор по кличке Лишай начнет рыскать по всему интернату. От этого человека-ищейки они бежали в первую очередь – от его приказов, правил, наказаний и постоянного надзора.

А еще – от того будущего, которое им готовили. Пьер совсем не хотел всю жизнь вставать в пять утра и до ночи вкалывать на заводе, чтобы потом отдавать все заработанные гроши за убогую комнатенку, в которую приходишь только спать.

Он мечтал о чем-то большем. Хотел стать кем-то. Хотел,

чтобы его уважали. А для этого сначала надо было сбежать.

Он помог спуститься Спичке с Мари на спине. Вдвоем девочки были очень тяжелыми. И Пьер боялся, что узлы не выдержат. Поэтому, когда они наконец оказались на земле, он втянул веревку обратно и проверил, всё ли в порядке.

Вообще-то поначалу он предложил сбежать только Спичке и Заике. Но в итоге беглецов набралось шестеро. После ужина и перед возвращением в спальни все они потихоньку улизнули и собрались в неиспользуемом крыле интерната, где хранилась сломанная мебель и инструменты.

Сначала им предстояло спуститься из окна второго этажа, а потом с помощью той же самодельной веревки перебраться через ограду. Пьер долго размышлял над планом бегства и знал, что в нем есть несколько слабых мест. Например, наверху у забора были острые железные штыри. В темноте кто-нибудь о них обязательно поранится. Но что делать, идеальных планов не бывает.

Он пытался сбежать уже несколько раз. В повозке семейной пары, приехавшей, чтобы усыновить какого-нибудь обормота, в фургоне, который доставлял еду. А однажды просто улучил момент, когда ворота открылись, и выскочил наружу. Его поймали через две улицы.

Сейчас Пьеру было четырнадцать. И он чувствовал, что не сможет больше ни дня провести в этом аду. Сегодня или никогда.

Они спустились из окна без помех. Пьер несколько раз

сильно дернул связанную одежду, и самодельный канат упал ему в руки. Мальчик свернул его комом и стал пробираться вдоль старого здания. Пригнувшись, один за другим, беглецы добрались до ограды, скрытые сумерками и ветвями деревьев.

Тем временем в интернате уже включали лампы, слышались крики. Пьеру даже показалось, что он разглядел через освещенные окна комнат, как несколько взрослых бегут по коридорам. Их уже искали.

Его левый башмак, привязанный к веревке, чтобы придать ей дополнительный вес, перелетел через ограду. Одежда зацепилась за железные штыри и, кажется, держалась крепко. Пьер несколько раз подергал, проверяя канат на прочность.

И они начали карабкаться. Первым Заика – как самый мускулистый. За ним – Хромой, который тоже на удивление неплохо справился. Пьер подсадил Соплю, но тот всё равно напоролся на штыри, по счастью, только порвав штаны. Пока всё шло хорошо, но в заброшенном крыле интерната уже зажегся свет. Надо было торопиться изо всех сил. Спичка легко залезла наверх, прыгнула на улицу и с той стороны приняла малышку Мари, которую Пьер поднял на ограду.

– Пьер!!!

Голос раскатился по всему двору. Подросток не обернулся. Он знал, что это Лишай. Ему оставалось только перебраться через ограду – и вот она, свобода. От прилива адре-

налина, казалось, за спиной выросли крылья.

– Вернись немедленно!!

Судя по голосу и прерывистому дыханию, Лишай был уже во дворе и бежал к мальчику. Пьер лез, держась за веревку. Так быстро, как только мог. Но в тот момент, когда он добрался до верха и осторожно, чтобы не пораниться о штыри, перенес правую ногу через ограду, железная рука схватила его за левую.

Пьер вырывался и лягался изо всех сил, целясь пяткой в лицо директора. Но когда тот наконец выпустил его, потерял равновесие. Пытаясь удержаться, он с размаху напоролся ладонью на один из штырей, захрипел от боли, словно раненое животное, но, стиснув зубы, всё-таки перетащил себя через ограду. Однако мальчик не успел сгруппироваться и плашмя растянулся на мостовой.

– Ты от меня не уйдешь! – проорал Лишай с той стороны, и в руках у него зазвенели ключи от ворот.

Спичка с Заикой подхватили Пьера, подняли на ноги и потащили прочь. Вскоре заскрежетала, открываясь, железная дверца в нескольких десятках метров от того места, где они приземлились. Лишай выскочил на улицу и стал озираться, прислушиваясь, чтобы понять, в какую сторону бежать. Но вокруг было тихо и безлюдно. Ни звука, ни движения.

– Негодяи! Я вас найду! Далеко вы не уйдете!

Он выкрикивал свои угрозы в темноту, тогда как в соседнем переулке шестеро сирот затаив дыхание вжимались в

небольшую нишу в стене. Спичка зажимала рот Пьеру, чтобы мальчик, который корчился от боли, случайно не застоялся. На его ладонь было страшно смотреть, кровь непрерывно капала на тротуар. Хромой замотал кисть Пьера своей рубашкой.

– Надо найти врача, – прошептал мальчик чуть слышно. – А то он истечет кровью.

– Не надо. Само пройдет, – отмахнулась Спичка.

Она еще не знала, что Пьер лишится руки.

5. Дорога назад

Была уже глубокая ночь. Хромой шагал по парижским улицам в сторону их штаб-квартиры. Он не торопился. Оттягивал момент возвращения. Момент, когда все посмотрят на него и он прочтает в их глазах приговор своей неумелости и никчемности. Мальчик, как мог, тянул время. Пинал найденные на дороге камушки, царапал палкой стены старых домов.

Он вспомнил последнюю фразу, брошенную Спичкой: «Встречаемся дома!» Да, все уже, наверное, собрались, один он где-то болтается. Хромой раздраженно засвистел. В голове у него всё крутился разговор с Обрубком, состоявшийся несколько дней назад.

– Скажу коротко и ясно. Ближайшие месяцы для нас чрезвычайно важны. Сейчас конец мая, а Выставка продлится до ноября. Так что целых полгода миллионы богатых клиентов будут сами идти к нам в руки. И мы их не разочаруем. Карманы будут обчищены по высшему разряду, сумочки – освобождены от лишней тяжести в виде ценных вещей... Но на-

чали мы, говоря откровенно, хуже некуда. Сегодня вы были вялыми, как моллюски. Не буду рыдать и заламывать руки, но это даже ниже нашего обычного уровня. Конечно, у всех бывают проколы, мы учтем ошибки и бла-бла-бла, но так продолжаться не может. И не должно. Иначе нам просто не выжить. Поэтому с сегодняшнего дня – 26 мая 1889 года – я объявляю начало операции «Глобальная разгрузка». Техника – на ваш выбор: комедия, атака или невидимость. Но результат должен быть один: золото, серебро – короче, деньги. Стартуем – прямо сейчас.

Обрубку было пятнадцать, и он принимал роль главаря банды слишком близко к сердцу. Пыжился и надувался, любясь своим красноречием, которое, как он считал, слушатели не могли оценить по достоинству. Мальчик то и дело поправлял сползавшую на лоб самодельную корону из проволоки. Он надевал ее, отдавая важные распоряжения, чтобы подчиненные воспринимали его всерьез. На самом деле корона делала Обрубку похожим не на короля, а на пациента больницы Святой Анны⁷, но никто не решался ему об этом сказать.

Закончив речь, главарь спустился с воображаемой сцены и присел на перевернутый ящик:

– Вопросы?

– А можно мы заведем собаку? – тоненьким голоском произнесла Плакса. – Они такие милые. Можно? Ну пожалуй-

⁷ Психиатрическая лечебница в Париже.

ста!

Самая младшая девочка в банде – ей недавно исполнилось семь – скорчила жалобную гримаску, неизменно трогавшую сердца прохожих. Она надеялась, что и Обрубок растает. Тот поначалу не хотел отвечать, но, увидев, что других вопросов не ожидается, был вынужден это сделать.

– Да, но... нет. Собака слишком много ест. Разве ты не понимаешь, что мы не можем попусту транжирить деньги? Мы не купаемся в золоте. По крайней мере пока.

Постепенно Хромой удалялся от буржуазных кварталов вокруг Дома инвалидов, двигаясь в сторону бедных районов, где они жили. Он думал о своей роли в банде, о побеге из интерната. Вспоминал, как Заика предложил ему бежать с ними. Хромой понимал, что он был для всех лишней обузой. Мало того, что больной и слабый, так еще и самый младший из мальчиков. К тому же он выглядел намного младше своих тринадцати лет и сильно раздражался, когда ему об этом напоминали, то есть примерно два раза в день. Он сразу начинал возражать, что это не его вина – он плохо растет из-за болезни, поскольку одна нога у него короче другой. Хотя прекрасно знал, что это никак не связано.

Хромой постоянно думал, чем может быть полезен

остальным, поскольку чувствовать себя бесполезным было невыносимо. Мальчик выделялся совершенно невероятной ловкостью рук. Он мог вытащить деньги из чужого кармана, не доставая кошелек. Вспомнив об этом, он слегка утешился.

Потом на память ему пришли золотые часы и их странный владелец. Его жуткие безжизненные глаза. Черные, как пропасть, как провал в ничто. Хромой снова задрожал, понимая, что соприкоснулся с чем-то ужасным, нечеловеческим.

– Вернемся к повестке дня, – продолжал Обрубок. – Хочу поговорить с вами о транспорте. Я знаю, все вы любите работать в омнибусах и трамваях. Но лучше не делать этого, особенно в час пик...

– Это еще почему? – взвилась Спичка. – Как раз наоборот! Когда много народу, люди зажаты так, что не могут пошевелиться, и их легче обчистить.

Ей было четырнадцать лет. Самая старшая, не считая Обрубка. А еще – самая высокая. И тощая. В интернате она любила воровать на кухне спички, чтобы потом, спрятавшись, играть с ними. Так что прозвище не заставило себя долго ждать. К тому же у Спички были огненно-рыжие непослушные волосы. Она сама сделала себе стрижку вроде каре, которая казалась Хромому совершенно очаровательной.

– Это так, – отвечал главварь. – С другой стороны, толпа блокирует не только клиентов, но и вас. И вы не сможете быстро слинять в случае чего.

– Ну и что же ты предлагаешь, раз ты такой умный?

Во время разговора она то и дело поворачивалась к Обрубку и смотрела на него слишком пристально, как считал Хромой.

– Да ничего особенного. Не рисковать без нужды, вот и всё. Вокруг Выставки на улицах столько народу, что можно разбогатеть, только потроша прохожих. Пока мы не совсем взрослые, нам легко скрыться в толпе...

Погрузившись в свои мысли, Хромой сам не заметил, как оказался возле моста, под которым находилась их берлога. Мерцающий на воде свет далеких фонарей казался злоецим. Каменные плиты набережной были влажными. В канавке, расположенной сбоку от ступенек, которые вели к воде, бежал черноватый ручеек. Их штаб-квартира находилась под мостом Турнель⁸. Они обнаружили здесь заброшенную лачужку, которой когда-то, видимо, пользовались рабочие, ремонтировавшие мост. Дверь была заколочена листом гоф-

⁸ Мост в Париже, соединяющий левый берег Сены и остров Сен-Луи.

рированного железа, однако слегка отогнуть его не составило никакого труда. Каменные стены жилища покрывала плесень. Дневной свет проникал внутрь сквозь крошечное оконце под самым потолком. В домике стоял неистребимый затхлый запах. Поэтому мальчик сделал глубокий вдох, прежде чем проскользнуть под загнутый край железного листа.

Все были уже там. Сидели вокруг стола, точнее старой двери, положенной на обрезок водосточной трубы. Горело несколько свечей. Воздух был отвратительно спертым.

Банда, вывалив содержимое сумки на столешницу, подсчитывала дневной улов. Плакса хлопала в ладоши, обрадованная видом добычи и предвкушением денег, которые они за нее получают. Обрубок пытался на глаз прикинуть ценность украденных вещей. Спичка с Зайкой вытряхивали монеты из многочисленных кошельков, собирая деньги в одну кучу. Сопля сидел без дела, только неотрывно смотрел на движения их рук. Именно он заметил тихонько вошедшего мальчика.

– Всё нормально? – спросил он беззлобно.

Хромой кивнул. И тут же стал рассматривать трофеи, избегая встречаться взглядом с товарищами. Он подошел к столу, ступая по ржавым металлическим листам, покрывав-

шим пол. Рыженькая улыбнулась ему в знак приветствия и вернулась к подсчету добычи. Вопреки опасениям Хромого, никто его ни в чем не упрекнул. Плакса, довольная тем, как всё складывается, и привыкшая ломать комедию во время каждой вылазки, решила пошутить:

– А он разжился новой шевелюрой, вы заметили?

Хромой неловко усмехнулся. О да! Все пытались забыть, что сегодня за ними гонялся Лишай собственной персоной. Ведь при одной мысли о директоре интерната душа переполнялась гадкими воспоминаниями о прежней жизни.

– В ближайшие дни надо быть осторожнее, – сказал Обрубок. – Может, чуть снизить количество спектаклей. Он наверняка будет шнырять где-нибудь поблизости. К тому же Спичка и Сопля утверждают, что Лишай сделался полицейским. Значит, он стал еще опаснее для нас. Не знаю, как вы, а я бы не хотел опять попасть ему в лапы.

Голос главаря слегка дрогнул. Он замолчал и машинально погладил покалеченную руку. После сегодняшней встречи с бывшим директором Обрубок сильно опасался за их будущее. Чувствуя, что все напряглись, он решил разрядить атмосферу и весело произнес:

– Ладно, за это барахло, я думаю, мы кое-что получим! Давайте поскорей сбудем его с рук, а потом закатим пир горой!

Желудок Заики громко заурчал в ответ на эти слова. Парень покраснел, а остальные с облегчением засмеялись, ра-

дуюсь возможности отогнать тревожные мысли и предвку-
шая обильную трапезу.

6. Опрос свидетелей

– Мсье, если я не ошибаюсь, это вы подверглись нападению грабителей?

Полицейский обращался к пассажиру фиакра, застывшего посреди улицы Фабер. Инспектор очень торопился, но не подавал вида. В его голосе звучала почтительность, хоть он и не знал точно, с кем имеет дело. Однако догадывался, что это – какой-то богач, ведь тот один занимал целый экипаж.

Фонари отбрасывали на лицо аристократа резкие тени. Он ничего не отвечал полицейскому. Так что в разговор в конце концов вступил молодой кучер.

– Простите, мсье.

Возница снял шляпу и протянул руку стражу порядка.

– Пьерфит. Антуан Пьерфит. Я служу в Генеральной компании омнибусов. Уверяю вас, это дело рук детей! Их было четверо или пятеро.

– Какого возраста? – поинтересовался инспектор.

– Большинству уже за десять. И одна девчонка помладше. О! И у старшего было что-то вроде крюка на руке. Я не знаю... Надеюсь, эта информация вам поможет. Одни были загримированы, другие – сидели в засаде. Это была настоящая западня, и мой клиент мог бы пострадать, если бы вы не подоспели вовремя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.